С.Е. Торопов (Великий Новгород)

Из истории средневекового новгородского города Демона.

Остатки древних поселений – наиболее информативная категория археологических памятников. Для археологии Древней Руси разностороннее изучение поселенческих древностей уже в течение многих десятилетий является одним из главных исследовательских направлений. Спектр рассматриваемых вопросов вряд ли возможно охватить полностью, настолько он широк и сложен. В самом общем виде он может быть представлен как изучение различных аспектов среды, культуры и социума поселений[1]. С поселенческой тематикой теснейшим образом связано изучение проблемы древнерусской урбанизации и становления государственных институтов.

Неукреплённые поселения, селища, – самая многочисленная и наиболее трудно выявляемая категория памятников. Укреплённые поселения – городища, известны гораздо лучше, что обусловлено, как правило, наличием ярко выраженных признаков, таких как особенности рельефа и/или остатки фортификационных сооружений. Меньшая численность городищ по сравнению с селищами также дополнительно привлекала к ним внимание исследователей[2].

Уже само по себе наличие фортификационных сооружений и относительная немногочисленность указывают на особый статус укреплённых поселений. Именно городища являются, в большинстве случаев, остатками территориально-административных, социально-экономических и культурных центров разного уровня, расположенных на вершине своеобразной иерархической пирамиды, в виде которой можно представить любую поселенческую структуру. Изучение таких центров, как бы аккумулирующих в себе значительную часть информационного потенциала, входившей в сферу их влияния округи, является одной из ключевых исследовательских задач.

Данные о городищах Ильменского региона исследователи начали собирать ещё в первой половине XIX столетия[3]. На сегодняшний день в Приильменье, а также верхнем течении р. Луги и среднем течении р. Мологи, по нашим подсчётам, за исключением таких центров как

---

1 Поселения: среда, культура, социум (материалы темат. науч. конф., Санкт-Петербург, 6-9 окт. 1998 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С.7.

2 Библиография посвященная древнерусским городищам обширна. См., например: Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956. 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 52); Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л., 1961. 242, [6] с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 105); О типологии древнерусских поселений // КСИА АН СССР. М., 1967. Вып. 110; Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 39-104 (Археология СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова); Малые города Древней Руси. М., 1989; Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических источников. М., 1996.

3 Подробную библиографию см.: Археология Новгородской области. Вып. 1: библиогр. указ. / сост. Е.В. Торопова, Е.Е. Фролова. Великий Новгород, 2007. 324 с.

Новгород, Рюриково Городище и Старая Русса (Руса), известно 31 укреплённое поселение, которые предварительно могут быть отнесены к древнерусскому периоду. На 12-ти из них проводились хотя бы незначительные по масштабам раскопки, остальные обследованы лишь визуально и/или шурфовками. Большая часть городищ (22), возникнув в конце I тыс. н. э., в эпоху славянской колонизации Северо-Запада и образования Древнерусского государства, видимо, прекращает функционировать в X-XI вв. На 7-ми укрепленных поселениях («Городок на Шелони», Косицкое, Марёво, Молвотицы, Демян, Яжелбицы, Белое (Любытино)), возникших в тот же ранний период, зафиксированы культурные напластования более позднего времени. Они становятся локальными центрами разного уровня. Два населённых пункта (Кур на Ловати и Холм), вероятно, появились уже в эпоху расцвета новгородской независимости, как крепости на важном речном пути, и в дальнейшем также стали центрами административных образований.

Все укреплённые поселения в древнерусских письменных источниках назывались городами, что неоднократно отмечалось в литературе. Однако уже по представлениям летописцев эта категория не была однородной, хотя чёткой терминологии для обозначения различных типов поселений и не существовало4.

В отечественной науке попытки классификации древнерусских городищ предпринимались неоднократно. Наиболее подробная типология, опирающаяся на археологические признаки (особенности плановой системы оборонительных сооружений и их взаимосвязь с формами рельефа) была разработана П.А. Раппопортом[5]. Эти признаки, значимые для изучения развития форм фортификационных сооружений, в тоже время затрудняют социально-историческую интерпретацию памятников. Противоположный подход, основанный на использовании письменных источников, также является тупиковым по причине уже отмечавшейся выше многозначности понятия «город» в древнерусском языке и отсутствию каких-либо упоминаний в источниках о большинстве укреплённых поселений[6].

Весьма успешную попытку объединения обоих методических принципов сделал А.В. Куза в начале 1980-х гг.[7] По его подсчётам на территории Древней Руси к тому времени было выявлено около 1500 (1395) городищ X-XIII вв., из которых лишь 414 попали на страницы летописей и актов. Проблемы выделения наиболее крупных столичных городов не возникало. Их статус подтверждался всей совокупностью данных письменных источников и

4 Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С.12–13.
5 Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв... 184 с.; Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв... 242, [6] с.; О типологии древнерусских поселений... С.3–9.
6 Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 32-43.
7 Куза А.В. Древнерусские поселения... С. 39-104; Малые города Древней Руси... 166 с.

археологических материалов. Другие же менее значительные центры определялись различными авторами по-разному, чаще всего на основании нескольких случайных археологических признаков. В основе принципа, на который опирался А.В. Куза, лежал подход к русскому средневековому городу как к «...многофункциональному поселению, выполнявшему в системе феодального государства ряд функций. В отличие от деревни, феодальной усадьбы-замка или сторожевой крепости, город аккумулировал в себе, помимо торгово-ремесленных, политические, военные, административно-хозяйственные и культурно-идеологические функции»[8]. Одной из целей его работы стала разработка шкалы археологически уловимых критериев, с помощью которых можно было бы выделить малые города среди основной массы укреплённых поселений, а с помощью письменных источников проверить и уточнить полученные результаты.

В качестве одного из ключевых археологических признаков исследователь рассматривал внутреннюю площадь укреплённой части городища, как показатель, зависящий от количества жителей. Другие «городские» признаки, выделенные на основании результатов археологических исследований крупных городов, были систематизированы по нескольким основным рубрикам:

I. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, монеты, денежные слитки); 3) сельское хозяйство (орудия обработки почвы, орудия уборки урожая).

II. Административное управление (печати, пломбы).

III. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника.

IV. Монументальное зодчество: 1) каменные храмы; 2) гражданские каменные здания.

V. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма.

VI. Быт феодалов: 1) предметы боярско-княжеского парадного убора; 2) дорогая утварь.

VII. Топография: 1) укрепления сложного плана; 2) укрепления простого плана; 3) усадебно-дворовая застройка.

Данный перечень, по мнению самого же автора, конечно же, далеко не исчерпывающий, но указанные в нём критерии являются наиболее распространёнными и достаточно легко устанавливаемыми. При этом учитывалась, в первую очередь, совокупность нескольких признаков[9]. В результате, из массива укреплённых поселений Руси X-XIII вв. исследователь выделил малые города как исторически сложившуюся категорию древнерусских поселений, разделяемую на несколько типов, среди которых: удельные или волостные центры; сторожевые

8 Куза А.В. Малые города... С. 164.
9 Там же. С. 51.

крепости; центры крупных феодальных вотчин. Друг от друга они отличаются преобладанием тех или иных функций, однако доминирование одной функции не означает отсутствие других[10].

Взгляды А.В. Кузы на древнерусский город как многофункциональное образование вполне соответствуют современным исследовательским принципам, согласно которым, любое поселение необходимо рассматривать как сложную социально–пространственную, биосоциально–экономическую, динамическую, саморегулирующуюся систему, находящуюся в определённой фазе развития. Такой подход позволяет говорить о существовании закономерностей в генезисе поселенческих структур[11].

Формирование и развитие поселения происходит в конкретной уникальной среде, под воздействием природных, социально-экономических, политических, социокультурных и пр. факторов. Эти факторы являются параметрами надсистемы (метасистемы), в структуру которой поселение входит в качестве элемента, само, являясь сложной системой[12]. Между ними нет чёткого разграничения. Складываясь под влиянием параметров метасистемы (градообразующих или «поселениеобразующих» факторов), по мере своего становления, поселенческая структура изменяет её, привнося в новые параметры. Вычленение из всей имеющейся совокупности наиболее значимых, системообразующих факторов – задача, без решения которой невозможно понять механизм возникновения и развития любого поселенческого комплекса.

Археология изучает поселенческие структуры и метасистемы большей частью уже несуществующие. В отличие от социологических наук, для которых поселение это «… прежде всего системно-пространственный процесс, а потом уже объект», археология имеет дело с «материально-пространственной сущностью»[13] предмета изучения, что существенно ограничивает её исследовательские возможности при условии использования исключительно археологических методов и источников. Выходом из сложившейся ситуации является комплексный подход к изучению метасистемы поселения и среды, в которой оно сформировалось и функционировало. Суть его заключается, с одной стороны, в интеграции методик различных научных дисциплин, а с другой, в сопоставлении и синтезе первичных источников. Эффект комплексного исследования может быть достигнут лишь в его применении уже на источниковедческом уровне[14].

---

10 Там же. С. 166.

11 Алексеева Т.И. Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 38-39.

12 Подробнее см.: Алексеева-Бескина Т.И. Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С. 126-128.

13 Алексеева Т.И. Указ. соч. С. 38-39.

14 Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 19-20; Чернов С.З. Комплексное исследование русского средневекового ландшафта (экология культурной среды) // История и культура древнерусского города.

Исследователи неоднократно обращали внимание на отождествление центра (града/города) и волости на страницах источников. Подобное отождествление можно рассматривать как отражение реально существовавших социально-пространственных связей внутри поселенческой структуры. Возможным методом изучения таких связей по археологическим материалам является трёхуровневый структурный анализ, включающий в себя исследования на микроуровне (отдельные сооружения и комплексы), уровне памятника (поселение – как сложная система) и макроуровне (региональные связи)[15].

Наглядным примером подобной средневековой поселенческой структуры на территории Приильменья может служить упоминающийся в летописи новгородский городок Демян/Демон – центр одноимённого административного округа, хорошо известного историкам по материалам средневековых актов и писцовых книг Деревской пятины.

Остатки летописного городка, соотносящегося с городищем Пески-I («Княжая Гора»), находятся в 8 км к востоку от современного посёлка Демянск, на южной окраине д. Пески. Сведения письменных источников отчасти отражают поздний этап его существования, в тоже время, имеющиеся археологические данные позволяют достаточно полно проследить основные стадии становления и развития этой поселенческой структуры и охарактеризовать различные стороны жизни её обитателей.

Городище, отнесённое П.А. Раппопортом к укреплениям островного типа[16], занимает вершину останца ледникового происхождения высотой 22-35 м, расположенного в долине р. Явонь, в излучине правого берега, напротив устья небольшой р. Кунянки. Площадка городища размерами 160х35-55 м, вытянута в меридиональном направлении. С севера сохранился въезд, прикрытый с напольной стороны валом. Какие-либо другие остатки фортификационных сооружений отсутствуют, однако, явно читаются следы нивелировки поверхности площадки и эскарпирования склонов. Мощность культурного слоя возрастает в направлении с юга на север и достигает 1,5-2 м к краям площадки.

В ближайшей округе городища зафиксирован ряд археологических памятников, относящихся к разным хронологическим периодам, но являющихся элементами единой метасистемы: культурный слой на месте «посада» (Пески-II), средневековый грунтовый могильник с трупоположениями (Пески-III) в урочищах «Таборы» и «Кувшиновщина», две группы сопковидных насыпей (Пески-IV-V) и селище, а также крупный некрополь культуры длинных курганов у деревень Липицы и Лещево. По данным начала XX в. известно о

М., 1989. С. 170.

15 Введение // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 5.

16 Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. С. 71.

существовании ещё двух погребальных насыпей и жальника, однако, местоположение этих объектов в настоящее время не установлено[17]. Выше по течению р. Кунянки расположены крупные археологические комплексы конца I-начала II тыс. н.э. у деревень Подгорье, Шульгина Гора и Хозюпино, попадающие в орбиту влияния укреплённого поселения. Вероятно, с округой городища необходимо связывать и находку в 1833 г. клада из 35 дирхемов, древнейший из которых датируется 697-714 гг., а наиболее поздний – 825 г.[18]

Первоначальные сведения о памятнике были собраны З. Доленга-Ходаковским в 20 - х гг. XIX в.[19], считавшим, однако, что городища являются не остатками поселений, а святилищами. Первое же, по-настоящему археологическое, обследование памятника и его округи было предпринято в 1902 г. Н.И. Репниковым в ходе экспедиции по изучению древностей Демянского уезда Новгородской губернии[20]. Исследователь провёл небольшие раскопки в ур. Таборы, на месте грунтового могильника (открыто 12 безынвентарных погребений), сделал описание комплекса памятников в окрестностях д. Пески и раскопал один небольшой курган «в лесу у д. Пески»[21], а также еще 9 насыпей в могильнике у д. Хозюпино. Работы на площадке городища, видимо, Н.И. Репниковым не проводились, однако, автор постарался собрать всю возможную информацию о культурных напластованиях и случайных находках. Им отмечены находки остатков построек, горелого зерна, костей человека и животных, а в восточной части площадки — целых человеческих скелетов[22]. Кроме того, исследователем были приобретены у местного населения 4 креста-тельника, случайно найденные на городище, 2 из которых опубликованы в отчете[23]. Один из крестов по новгородским аналогиям можно датировать началом XIV в.[24], а второй относится к раннему для Древней Руси типу нательных крестов с так называемым «грубым изображением Христа» и датируется X-XI вв.[25]

Годом позднее (в 1903 г.), д. Пески посетил В.Н. Глазов, также по заданию Императорского Русского археологического общества обследовавший памятники ряда уездов

17 Репников Н.И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1904. Вып. 6. С. 19.
18 Френ Х.Д. О восточных монетах, находимых в России // Сын Отечества. 1842. Кн. 7, июль. С. 70.
19 Доленга-Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Доленга-Ходаковского 13-го липца 1822 г. // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских / ред. профессор Погодин. – М., 1844. – Т. 7. - С. 378.
20 Репников Н.И. Отчет о раскопках … С. 18-19; Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Осташковском у. Тверской губернии и в Демянском уезде Новгородской губернии членом сотрудником Императорского Русского археологического общества В.Н. Глазовым // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1903. № 49. Л. 101-105.
21 Репников Н.И. Отчет о раскопках … С. 19.
22 Там же. С. 19-20.
23 Там же. С. 19.
24 Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 39-104 (Археология СССР / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова); Малые города Древней Руси. М., 1989. 166 с.
25 Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XVI веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб. : Петерб. востоковедение, 2002. С. 152 (Труды / Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры ; т. 5). – (Archaeologica Petropolitana ; 12).

Новгородской губернии[26]. Им были продолжены исследования погребений, начатые Н.И. Репниковым в ур. Таборы, раскопаны два кургана в могильнике Пески-IV и заложены 5 траншей в разных частях площадки городища для определения его «времени и характера» общей площадью «26 кв. сажень... во всю толщу культурного слоя т. е. до 1 аршина глубины»[27]. В культурном слое исследователем отмечено наличие большого количества фрагментов керамики, костей животных и перегорелого зерна. В одной из траншей был найден человеческий череп. Из вещевых находок В.Н. Глазовым упоминаются: «железный обломок с крючком на конце (по сп. № 7), медный край какой то оковки с заклепкой (по сп. № 8), прекрасно сохранившееся долото (по сп. № 9), огниво оригинальной формы (по сп. № 11), ...камень известняковый с дырочкой (по сп. № 14. должно быть грузило от сетей), ...серебряное кольцо (по сп. № 10 типа табл. глаз. XXV-34) [*витой перстень с заходящими концами — С.Т.*]»[28]. На основании полученных находок исследователь датировал городище XIII-XIV вв.[29]

В 1911 г. часть курганов у д. Липицы была раскопана учениками А.А. Спицына П.Г. Любомировым и П.А. Садиковым. К сожалению, кроме краткой информации в отчетах Русского археологического общества и частично депаспартизованной коллекции, никаких данных об этих исследованиях пока найти не удалось[30].

Спустя сорок лет, в 1951 г. на городище побывали сотрудники Новгородского музея Т.М. Константинова, П.А. Мартынов и валдайский краевед В.И. Успенский. Никакой полевой и отчетной документации, относящейся к этой экспедиции, видимо, не сохранилось. Единственным источником информации, вероятно, нужно считать краткое примечание к тексту отчета С.Н. Орлова за 1969 г. Согласно ему, в центральной части площадки памятника, у топографического знака, был заложен шурф, доведенный до глубины 1 м. Затем работы были прекращены. В заполнении шурфа найдено большое количество фрагментов керамики и дирхем, датированный VIII в.[31]

В 1957 г. городище было обследовано П.А. Раппопортом, который отнес время его появления к XIII в., а основные культурные напластования датировал XIV-XV вв. Возможно, именно П.А. Раппопорт одним из первых высказал предположение, что городище у д. Пески

26 Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году … Л. 101-105.
27 Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году … Л. 103.
28 Там же. Л. 103-об.
29 Там же. Л. 103.
30 Годовые отчеты Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества за1908-1915 гг. В отчетах за 1910 и 1911 гг. информация о раскопках в Старорусском, Крестецком и др. у. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 3. 1911. № 416. Л. 17-17-об.
31 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р. 1. № 4277. Л. 13.

является первоначальным местом летописного города Демона[32].

Наиболее масштабные работы по изучению культурных напластований памятника были проведены под руководством С.Н. Орлова в 1969, 1973, 1976-78 и 1980 гг.[33] За эти годы была вскрыта площадь почти в 1000 кв. м, охватывающая южную и юго-восточную часть городища, и собрана коллекция индивидуальных находок более 1030 единиц. К сожалению, результаты исследований остались неопубликованными. В настоящее время автором данной статьи ведется работа по их систематизации и обобщению.

Раскопки показали, что городище является многослойным памятником. Культурные напластования неоднородны, содержат материалы различных эпох и следы неоднократных работ по перепланировке. В целом, С.Н. Орловым были выделены следующие стратиграфические этапы жизни памятника: 1) предматериковый слой, содержащий керамику раннего железного века, кремневые отщепы и фрагменты раннесредневековой лепной керамики; 2) слой темного плотного гумуса с лепной керамикой и незначительной примесью раннегончарной посуды в нижней части и гончарной керамикой в верхней; 3) прослойка мощного пожара; 4) слой рыхлого серого гумуса, содержащая средневековые материалы и перебитая ещё одной прослойкой пожара; 5) пахотный слой. Так как культурные напластования городища частично сохраняют органические материалы, было зафиксировано значительное количество остатков построек (в основном погибших в пожарах). Некоторые комплексы были интерпретированы как остатки укреплений, в виде стены из бревен, вставленных концами в пазы столбов[34]. Нижний горизонт пожара исследователь связывал с походом монголов на Новгород в 1238 г., а верхний — с новгородско-московским конфликтом 1471 г.[35]

Материальную культуру, в целом, можно характеризовать как городскую. Среди находок — большое количество стеклянных бус и браслетов, украшения из цветных металлов, бытовые предметы, инструменты ремесленников, предметы вооружения и снаряжения коня, монета - новгородка, серебряная гривна новгородского типа, а также вислая свинцовая печать с изображением Св. Бориса и Глеба на лицевой стороне и процветшего креста на обратной.

---

32 Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 71 (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 105).

33 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Архив ИА РАН. Р. 1. № 4277. 45 л.; Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области // Архив ИА РАН. Р-I. 1973. № 5162. 21 л.; Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-I. 1976. № 6153. 72 л.; Отчет об археологических раскопках на городище «Княжая гора» у д. Пески Демянского района Новгородской области // Архив ИА РАН. Р. 1. 1977. № 6652. 30 л.; Отчет об археологических исследованиях на городище «Княжая Гора» в Демянском районе Новгородской области // Архив ИА РАН. Р. 1. 1978. № 7166. 48 л.; Отчет об археологических исследованиях городища «Княжая Гора» у д. Пески Демянского района Новгородской области // Архив ИА РАН. Р. 1. 1980. № 8675,. 50 л

34 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. … Л. 28.

35 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях городища «Княжая Гора»... 1980… Л. 17.

Последнюю из перечисленных находок С.Н. Орлов датировал XII-XIII вв.[36], а В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков соотнесли её с именем Глеба Святославича, ставшего новгородским князем в 1069 г.[37]

В 2007 г. исследования городища были продолжены Демянским отрядом Старорусской археологической экспедиции НовГУ под руководством автора. Главной задачей работ на первом этапе стала проверка и уточнение стратиграфических данных. Небольшой раскоп, заложенный в углу между раскопами I и II, исследовавшимися в 1973, 76 и 1977 гг., показал, что, в общем, наши стратиграфические наблюдения совпадают с данными С.Н. Орлова. Ранние напластования (мощностью 0,1-0,4 м) и комплексы содержат лепную керамику, бусы и бисер конца I тыс. н.э., к этому же периоду относятся и единичные фрагменты раннегончарных горшков. В западинах материка, а также в переотложенном состоянии в более поздних слоях, встречались отдельные фрагменты керамики раннего железного века, кремневые орудия и отщепы. Выше зафиксирован непотревоженный слой небольшой мощности (до 0,3 м) с гончарной посудой развитых форм и находками XII — XIV вв. Более поздние напластования оказались полностью перепаханными. На границе стратифицированного и пахотного слоев зафиксирован горизонт мощного пожара, наиболее хорошо сохранившийся в восточной части раскопа. Радиоуглеродный анализ образцов, взятых из остатков сгоревших сооружений, позволяет датировать пожар второй половиной XIII - первой четвертью XIV вв., что хорошо соотносится с датами бус и керамики[38]. Еще одним важным фактом является наличие следов пахоты на уровне верхней границы раннесредневековых напластований, что свидетельствует о прекращении в определенный момент жизни на данном участке площадки городища и использовании его в качестве сельхозугодий.

Обобщая все имеющиеся в нашем распоряжении данные, попытаемся в самых общих чертах реконструировать основные этапы жизни памятника. Наиболее древние культурные напластования относятся к раннему железному веку и представлены орудиями из кремня и фрагментами керамики, датирующейся VIII-V вв. до н. э.*

На средневековом этапе существования поселения можно выделить три фазы: «раннюю» (IX-X вв), фазу «запустения» (XI - середина XII в.) и «городскую» (вторая пол. XII-XV вв.). Датировки этих периодов основываются на анализе археологических данных, прежде всего, стратиграфии, стеклянных бус и керамики. На настоящем этапе исследований пока остаётся

36 Орлов С.Н. Отчет об археологических исследованиях отряда… 1973…Л. 14.

37 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси XI-XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 60, 155, № 333а-1; С. 370, табл. 112.

38 Анализ проводился в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. Возраст образцов: Ле-8267 - 720+/-20; Ле-8268 - 820+/-20; Ле-8269 - 710+/-35; Ле-8270 - 730+/-45; Ле-8271 - 690+/-35.

* Пользуясь случаем, благодарю Б.С. Короткевича, М.А. Юшкову и А.И. Мурашкина за помощь в атрибуции данного материала.

неуточнённым хронологический рубеж между фазами «запустения» и «городской», так как систематизация материала ещё не закончена.

Городище возникло в узловой точке пути, соединяющем Центральное Приильменье с Поволжьем, что подтверждается упоминавшейся выше находкой клада арабских монет. На наш взгляд, именно коммуникационный фактор стал одним из определяющих для развития поселения на ранней фазе. В свою очередь, он был обусловлен местными естественно-географическими условиями, а также этнокультурными и социально-политическими процессами, протекавшими на территории Северной Руси. Ещё одним важным условием (параметром метасистемы), являлась этнокультурная ситуация в бассейне р. Кунянки, а именно, присутствие значительных групп населения, оставившего памятники культуры длинных курганов. Главными функциями вновь возникшего укреплённого пункта в этот период, видимо, надо считать контрольно-административные. С другой стороны, городище, возможно, послужило опорной точкой для развития новой поселенческой структуры, отражением которой является ряд селищ и могильников с сопковидными насыпями.

Помимо керамики, стеклянных бус и бисера, к этому периоду жизни памятника относятся некоторые предметы вооружения, найденные в культурном слое, дирхем, обнаруженный в шурфе 1951 г., и, видимо, нательный крест со стилизованным грубым изображением Христа, приобретенный Н.И. Репниковым в 1902 г. В интерпретации этой находки можно полностью согласиться с мнением А.Е. Мусина, согласно которому «крест... указывает на христианский контингент, контролирующий «Серегерский» торговый путь с верхней Волги к Новгороду по Явони и Поле»[39].

Начало фазы «запустения» приходится на конец X – начало XI в. В этот период жизнь на городище либо полностью прекращается, либо оно теряет свой статус и превращается в рядовое сельское поселение гораздо меньшей площади с трудом улавливаемое археологически, что подтверждается практически полным отсутствием находок этого периода в культурном слое, а также следами средневековой пахоты на уровне верхней границы культурных напластований X в. В противоречие с приведенными выводами, казалось бы, вступает упоминавшаяся выше печать, датируемая третьей четвертью XI в. Однако, надо признать, что такая датировка не согласуется с археологическим контекстом. Печать была найдена вне комплекса в пахотном слое[40]. В этих условиях необходимо либо пересмотреть её датировку по «сфрагистическим» признакам, либо допустить факт её значительно более позднего выпадения в культурный слой.

Запустение в указанный период затронуло не только городище, но и всю тесно с ним

39 Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XVI веках… С. 170.

40 Опись №3 археологических находок из раскопок на городище «Княжья Гора» у дер. Пески Демянского района Новгородской области // Архив ОХИАК НГОМЗ. Л. 1.

связанную поселенческую структуру. Единственными известными на сегодняшний день памятниками XI-XII вв. в бассейне р. Кунянки являются селище и грунтовый могильник у д. Хозюпино[41]. Причины кризиса, видимо, необходимо искать в общей ситуации, сложившейся в ряде регионов Приильменья (Ловать, среднее течение Полы, среднее Помостье и др.), где также наблюдается резкое изменение демографической ситуации, обусловленное как экономическими причинами, так и социально-политическими процессами формирования ядра новгородского государства[42].

С последней «городской» фазой развития поселения, начавшейся предположительно во второй половине - конце XII в., связан как его расцвет, так и окончательное исчезновение. Именно на этом этапе на страницах письменных источников появляется город Демян/Демон[43]. Видимо, уже на начало «городской» фазы приходится проведение масштабных планировочных работ на площадке памятника и, возможно, строительство новых укреплений. Материальная культура этого периода имеет яркий городской облик, развивается ремесло и торговля. Весьма вероятно, что уже на стадии работ по перепланировке, на городище возводится первый храм, а через какое-то время в непосредственной близости появляется монастырь, впервые упоминающийся в писцовой книге Деревской пятины 1495/96 г.[44]

Общая совокупность сведений о Демоне, как о городке, так и одноименной территориальной единице, в письменных источниках невелика. Она охватывает период продолжительностью немногим более 200 лет с последней четверти XIV – по начало XVII в. Наиболее ранним является упоминание города ДЪмяны среди Залесских городов в летописном обзоре «А се имена всем градом рускым, далным и ближним». Появление этого документа аргументированно датировано В.Л. Яниным периодом между 1375 и 1381 годами[45].

Ряд следующих по хронологии летописных сообщений относится к 40-70 гг. XV в. и связан с новгородско-московскими военными конфликтами. В 1441 г. городок стал местом заключения перемирия между новгородцами и великим князем. В Комиссионном списке

41 Мильков В.В. Отчет о проведении раскопок у дд. Хозюпино и Липицы Демянского района и археологических разведках в Демянском и Валдайском районах Новгородской области // Архив ИА РАН. Р. 1. № 12195. 23 л

42 Конецкий В.Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология (тез. науч. конф.). Новгород, 1992. Вып. 6. С. 42-43; Носов Е. Н. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) / Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий, А. Ю. Иванов // У истоков Новгородской земли : Любытин. археол. сб. Любытино, 2002. Вып. 1. С. 5-66.

43 В источниках присутствуют следующие варианты наименования: Демян, ДЪмена, Демяна, Демон, ДЪмон, ДЪймон, Деимон, Демен, Демень, Демоны, Демены, Деман, Демань. Наиболее архаичные из них — с мягким вторым слогом. Форма ДЪмон встречается наиболее часто в разнообразных источниках примерно с середины XV в. (см.: Васильев В.Л. Городок Демон средневековой Новгородской земли (История населенного пункта и этимология имени) // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 97-110; Древний Демон и современный Демянск: этимология имени и проблема локализации // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 304-323).

44 Новгородские писцовые книги. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 499-501.

45 Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998. С. 67.

Новгородской первой летописи так описываются эти события: «...Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с ним бояръ и житьих людеи, и наЪхаша его в Деревах у города у ДЪмяна, и докончаша с ним миръ по старинЪ, и даша ему 8000 рублевъ»[46]. В летописных памятниках, отражающих московскую точку зрения, в частности в Софийской первой летописи по списку И.Н. Царского, говорится о взятии городка как одном из результатов похода: «Тое же зимы князь великый ходилъ на Новъгород, и ДЪмянъ городъ взялъ»[47].

В контексте событий следующего по времени серьёзного новгородско-московского столкновения 1456 г. сведения о Демоне, как и наиболее подробный рассказ о ходе военных действий, присутствуют только в одном источнике, так называемой «летописи Авраамки». После описания поражения новгородцев под Русой летописец сообщает: «...и того же дни шестникЪ и татарове пограбише Русу всю, и поидоша к ДЪмянам... а князь великий стоявъ подъ ДЪмяны, и отступи въ Яжолъбици, а со города съ ДЪмяна убиша 15 человЪкъ шестниковъ»[48]. Как следует из приведённого выше текста осада городка, в отличие от событий 1441 года, видимо, закончилась неудачей, что вынудило великого князя отступить в Яжелбицы, где и был подписан мирный договор.

Вновь на страницах летописи Демон упоминается спустя 15 лет, в 1471 г., при описании похода на Новгород сына Василия Темного, великого князя Ивана III. Летописец сообщает, что после Шелонской битвы великий князь отпустил «съ Селищъ противу ДЪмона» новгородского представителя боярина Луку Клементьева, а находящимся на службе у великого князя верейскому князю Михаилу Андреевичу и его сыну Василию, видимо осаждавшим крепость, новгородские воеводы «кои сидЪли въ городЪ въ ДЪмону, добили челом и предашяся на томъ, что ихъ головами выпустити, а о иномъ ни о чемъ не стояти, а зъ города окупа дали 100 рублевъ Новгородскую»[49]. Сюда же после разгрома новгородского войска в Русе должны были подойти великокняжеские воеводы князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, которые, однако, получив новый приказ, отправились к р. Шелони, а у городка остался князь Михаил Андреевич с сыном Василием и «съ всЪми вои своими»[50].

В 1478 г., в ходе последнего похода Ивана III на Новгород, по дороге из Торжка на Демон и далее в южное Приильменье, двигалась одна из частей великокняжеского войска под предводительством князя Андрея Меньшего. Сама эта дорога в тексте летописи так и называется — Демонской[51].

---

46 ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 421.
47 ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 145.
48 ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 196.
49 ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 166.
50 Там же. С. 167.
51 Там же. С. 185.

После потери Новгородом независимости сведения о городке появляются на страницах летописи всего два раза. Под 1482 г. летописец сообщает о бегстве из Литвы на Русь князя Фёдора Ивановича Бельского и о пожаловании ему великим князем в вотчину городов Демона и Моревы «съ многыми волостьми»[52]. П.А. Раппопорт высказал предположение, что возможно именно с этими событиями связано появление названия городища «Княжая Гора», нехарактерного для Новгородской земли[53].

Последнее же известие, согласно которому «с Демонского стану» должно осуществляться снабжение опричного войска Ивана Грозного в случае похода на Новгород, относится к 1569 г.[54]

Таким образом, на протяжении XV-XVI вв. известия о Демоне семь раз появляются на страницах летописей. Четыре сообщения приходятся на последние 37 лет существования независимого Новгородского государства и связаны со всеми серьёзными новгородско-московскими столкновениями. Количество и характер сообщений позволяют предположить, что одной из наиболее важных функций городка в этот период был военно-административный контроль над путем, соединяющим центральные районы Новгородской земли с юго-восточными территориями Руси. Роль административного центра, вероятно при утрате основной части военного потенциала, сохранялась за Демоном в течение длительного периода и после ликвидации новгородской независимости, о чем свидетельствуют приведенные выше известия от 1482 и 1569 гг.

Помимо летописных источников некоторые данные о Демоне присутствуют и в актовом материале. Прежде всего, это документы, регламентирующие отношения Новгорода с великими князьями литовскими: договорная грамота литовского великого князя Свидригайла с Новгородом от 25 января 1431 г.[55], договорная грамота литовского великого князя Казимира с Новгородом, датируемая 1441-1442 гг., и договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Новгородом (весна 1471 г.)[56]. В текстах всех трёх документов, составленных по единому образцу, новгородские территории Демон, Цна (Посонье) и Полново противопоставляются так называемому «чернокунству», то есть пограничным новгородским волостям (Молвятицы, Кунско, Стерж, Морева, Березовец, Жабна и др.), часть доходов с которых поступает в литовскую великокняжескую казну. Подчеркнутое выделение среди новгородских волостей, не платящих черную куну, именно Демона, Посонья и Полнова,

52 ПСРЛ. Т.39. М., 1994. С. 162.
53 Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества… С. 71.
54 ПСРЛ. СПб., 1879. Т. 3. С. 163.
55 Датировки договоров Новгорода с великими литовскими князьями даются по: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 177-179, 187-189.
56 ГВНП. М.-Л., 1949. С. 106, 116, 131. № 63, 70, 77.

вероятно, обусловлено как их сопредельным и даже чересполосным (в случае Жабны и Посонья) положением по отношению к «чернокунству», так и особым «государственным» статусом.

Жители Демона наряду с новоторжцами упоминаются в тексте московского варианта Коростынского мирного договора, датируемого 11 августа 1471 г.: «А с новоторжъцов и з дЪмонцовъ князи великие целованье сложили»[57]. По предположению В.Л. Янина, включение данного пункта в текст договора может быть связано с отказом новгородцев в уплате черного бора, который, согласно более ранним договоренностям, собирался великими князьями в Новоторжской волости. Как следствие, Торжок мог быть присоединен к московским владениям накануне или во время похода 1471 г.[58] Что касается демонцев, то их упоминание, видимо, надо рассматривать в контексте приводившегося выше летописного сообщения, согласно которому, городок был сдан новгородскими воеводами князю Михаилу Андреевичу Верейскому.

По мирному соглашению, Демон как и Торжок должен был быть возвращен новгородцам. Однако, рискнем предположить, что, оставаясь юридически новгородским, фактически, до 1478 г. городок мог находиться вне сферы новгородского влияния и управляться великокняжеской администрацией. Подобное предположение не противоречит характеру летописных известий. Если в сообщениях 1441, 1456 и 1471 гг. Демон выступает как новгородский укрепленный пункт на пути в южное и юго-восточное Приильменье, требующий «особого внимания» со стороны полководцев великого князя, то в 1478 г. - это просто одно из направлений движения московского войска, наименование одной из возможных дорог на Новгород.

В XVI столетии Демон сохраняет за собой «городской» статус, что подтверждается рядом документов. В числе других новгородских городов он упоминается в Духовной грамоте великого князя Ивана III, составленной в 1504 г.,[59] и в единственном сохранившемся варианте завещания царя и великого князя Ивана IV, датируемом летом 1572 г.[60] В этот период город, видимо, управлялся великокняжескими наместниками. Об одном из них – Ждане Ондрееве сыне Вешнякове – сообщает Боярская книга 1556 г.: «Съехал с Деймона июня в 1[-й] 63[-го], держал от Покърова до июня того ж году да отказал»[61].

Определенное представление о некоторых функциях демонской администрации дают тексты двух жалованных грамот, данных великим князем Василим III игуменам Иосифо-

57 ГВНП. М.-Л., 1949. С... № 27.
58 Янин В.Л. Новгородские акты... С. 129.
59 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. С. 357.
60 Духовные и договорные грамоты... С. 438.
61 Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн. 3. С. 30.

Волоцкого монастыря. Первая, датированная 10 сентября 1518 г., выдана игумену Даниилу на закупку соли[62]. Вторая, от 20 октября 1527 г. – игумену Нифонту на беспошлинный проезд в Новгородскую землю[63]. Эти документы, составленные по единому образцу, регламентируют порядок сбора пошлин с монастырских купцов и старцев на территории Новгородской земли. Наряду с Новгородом, Русой и Белоозером, Демон фигурирует в них как один из городских центров Новгородской земли: «Коли игумен з братьею пошлют своего купчину или старца торгом к Новгороду, и к Демону, и в Русу, и к Белуозеру..., что продать или купить,... и нашим намесником, и волостелем, и мытчикы и пошлинники, и язовщики с того их купчины... с их товару мыта и тамги, ни иных никоторых пошлин не емлют. А коли приедет их купчина или старец однова в Русу купить соли... А повезут ту соль из Русы... и наши пошлинники руские и демонские с их соли пошлины ножовые и золотников не емлют»[64].

Особое место среди источников, как наиболее ранняя и полно сохранившаяся, занимает писцовая книга Деревской пятины (ПКДП) письма Прокофия Зиновьевича Скурата и Петра Борисова сына Волка. Согласно результатам источниковедческих исследований описание земель производилось писцами в период с осени 1495, по осень 1496 г., а окончательное составление и редактирование книги было осуществлено — осенью 1498 – конце 1499 г.[65]

В тексте ПКДП содержится описание городка Демон: «На городище церковь Егорей Великий; на городище ж дв. поп Созон, дв. церковный сторож Михалко; на городище ж дв. наместничь. А на посаде: монастырь, а в нем церковь Успление Святые Богородицы; а в манастыре игумен Варлам. А на манастырской земле: дв. диаков Офоноско, дв. церковный сторож Огафоник; пашни у них нет. На посаде ж двор тиунъ»[66].

Необходимо отметить, что приведенный выше текст помещен в самое начало описания Деманского погоста и кроме замечания об отсутствии пашни, нет никаких данных о доходности этих дворовладений. По мнению исследователей ПКДП подобное размещение описаний, как и отсутствие сведений о доходности, характерно либо для владычных, монастырских и своеземческих земель, либо для волосток, конфискованных у владыки и монастырей в период составления книги[67].

Далее по тексту, после подзаголовка «В Демоне великого князя деревни оброчные», в составе описаний великокняжеских волосток и деревень, большей частью переданных в

62 Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М., 1956. № 82. С. 80-81.
63 Там же. № 102. С. 96-97.
64 Акты феодального землевладения…. № 102. С. 96-97.
65 Фролов А.А. Актуальные вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины 7004 г.// Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530-1540 гг. М., 2004. С. 692.
66 Новгородские писцовые книги… Стб. 499-501
67 Фролов А.А. Актуальные вопросы... С. 692-693.

пользование помещикам, встречаются разрозненные характеристики посадских дворов: 1) «Волость великого князя Федоровская, Яковля сына Селезнева Немого»: «... *На посаде у Демана*: дв. Игнатко Щука, дв. Филка сеют ржы пол-3 коробьи, а сена косят 20 копен; обжа»; 2) «великого князя д. Захарово Андреевская Оникеева»: «А *на посаде у Демана*: дв. Васко Мишков, сеет ржы 3 коробьи, а сена косят 15 копен, обжа»; 3) «волостка Ивашковская Шадрина за Петрушою да за Офонасом, за Григорьевыми детми Беклемишова, в поместие»: «... а у *Демона на посаде*: дв. Ондрейко Васков, дв. Степанко Парфенков, дв. диак церковной Микитка, сеют ржы пол-3 коробьи, а сена косит 20 копен, обжа; старого дохода пол-2 гривны; а новой доход по тому ж» [68].

Исходя из того факта, что в ПКДП описаны все категории земель, вне зависимости от их владельческого статуса, будем считать информацию, предоставляемую этим источником, достаточно полной, что дает возможность хотя бы в общих чертах представить размеры городка и социальный состав его населения в данный период. В совокупности, на момент проведения описания, на территории посада зафиксировано девять дворов, с учетом, расположенных на монастырской земле. Общее же число дворов в городе, включая дворы наместника и тиуна, таким образом, равно двенадцати. По своему социальному статусу, помимо представителей администрации, игумена и священника, пятеро дворовладельцев являются, видимо, крестьянами, а четверо — церковнослужителями. Связь последней из указанных категорий, а также упомянутых в описании священнослужителей, с храмом на городище и монастырем, на наш взгляд, может быть реконструирована следующим образом (см. таблицу):

	Георгиевская церковь (городище)	*Успенский монастырь (посад)*
Священнослужители	поп Созон	игумен Варлам
Церковнослужители	диак Микитка сторож Михалко	диак Офоноско сторож Огафоник

Среди церковнослужителей выделяется «диак церковной Микитка», казалось бы, «территориально» не связанный ни с монастырем, ни с приходским храмом, однако, локализация его двора на посадской территории, наличие пашни, с которой уплачиваются подати, а также отсутствие упоминания о церковном дьяке среди жителей городища, говорят в пользу его принадлежности к клиру Георгиевской церкви.

Судя по всему, на момент описания, Демон не являлся каким-либо значительным населенным и торгово-ремесленным пунктом. Нет никакой информации о том, что кто-либо из его жителей занимается ремеслом или торговлей. Употребление составителем писцовой книги

68 Новгородские писцовые книги… Стб. 501.

термина – «*городище*», как места бывшего города, может косвенно указывать на отсутствие каких-либо фортификационных сооружений. Видимо, главными «градообразующими» факторами для поселения в этот период необходимо считать судебно-административные и приходские функции центра одноименного территориального округа и присуда. Любопытно, что в оглавлении и тексте ПКДП только Демон и Курск на Ловати названы городками, а упоминавшиеся в составленном за сто лет до этого летописном обзоре русских городов в одном ряду с ними Молвотицы, Стерж, Морева, Велилы, в конце XV в. уже, видимо, утратили городской статус и на страницах источников выступают лишь как центры одноименных погостов. Обратим внимание, что в этот период на бывших новгородских территориях происходит активное складывание системы поместного землевладения, однако городок, исключая часть дворов посада, оказался вне новой землевладельческой структуры.

Говоря о городских административных функциях нельзя не обратить внимание на факт размещения дворов наместника и тиуна на участках городской территории, имеющих различный владельческий статус. Если двор наместника расположен на городище, то резиденция тиуна находится на посаде и имеет явную «привязку» к монастырю. Это позволяет высказать предположение об их принадлежности к разным административным системам. Наместника нужно рассматривать как представителя великокняжеской власти, а тиун, возможно, являлся чиновником церковной администрации.

К аналогичному выводу, анализируя данные о «бездоходных» оброчных землях конфискованных у монастырей и владыки в период составления ПКДП, пришел А.А. Фролов. Он предположил, что упоминающиеся в ряде пунктов востели и тиуны могут являться должностными лицами не княжеского, а владычного аппарата[69]. Однако, в рассматриваемом случае говорить о ликвидации Успенского Деманского монастыря или о конфискации его владений не приходится. Монастырю, по данным ПКДП, принадлежали дворы в деревнях Городок и Сметанино: «И по старому писму 2 деревни, а дворы 3, а обжы 3, соха. И по новому писму деревни, дворы и люди и обжы по старине»[70].

Еще одно описание, произведенное 43 года спустя, содержится в писцовой книге 7047 (1538/39) г. половины Деревской пятины поместных земель письма Ивана Жихоря Андреевича Рябчикова и Варгана Григорьева сына Захарьина: «На городище церковь Егорей Велики, на городище же двор намеснич, а в попове дворе в Ыванове: (в) Стешко Онофреев, (в) дияк церковной Сергейко, (в) панамарь, (в) проскурница, пашни в одном поле две коробьи, ы в дву по тому, сена 15 копен, а в обжы не положен, а дьяковы пашни в одном поле коробья, а в дву по

69 Фролов А.А. Актуальные вопросы... С. 693-694.
70 Новгородские писцовые книги… Стб. 555.

тому ж, сена 10 копен»[71].

В тексте книги, при описании земель, находящихся в пользовании помещиков, можно найти данные и по территории посада: 1) Некраса Игнатьева сына Ватутина и его детей: «А у Демона на посаде: (в) поп Иван егорьевской, пашни в одном поле пол-3 коробьи, а в дву по тому ж, сена 15 копен, обжа. А доходу за все полчетверты гривны»[72]; 2) Ивана большого Глебова сына Оничкова с детьми: «А у Демана на посаде обжа пуста, пашни в одном поле 3 коробьи, а в дву по тому ж, сена 15 копен, а пахал ее из найму поп Иван Егорьевской наездом, и дана лгота на три годы от лета семь тысящ четыредесят осмаго до лета семь тысящ пятдесят перваго»[73].

Даже если предположить, что часть посада в это время не входила в фонд поместных земель и не попала на страницы книги, прослеживается явное уменьшение количества дворов. При сравнении описаний 1495/96 и 1538/39 гг. с большой долей вероятности можно предполагать, что в них фигурируют одни и те же участки посадской территории, некогда принадлежавшие новгородским землевладельцам Федору Селезневу, Андрею Аникееву и Ивану Шадрину. За Некрасом Ватутиным с детьми в 1538/39 г. в поместье значатся деревни и часть посада, обозначенные в ПКДП, как принадлежавшие некогда Федору Селезневу и Андрею Аникееву и на момент составления описания не переданные никому из помещиков, а за Иваном Аничковым с детьми — владения Ивана Шадрина, в конце XV в. находившиеся в поместье за Петром Беклемешевым.

Наряду с уменьшением числа посадских дворов необходимо отметить увеличение количества лиц, проживающих в одном дворе на городище (см. приведенное выше описание: «... а в попове дворе в Ыванове...»). Вероятно, этот факт можно рассматривать как частный пример общих изменений в картине сельского расселения на территории Деревской пятины между 1500 и 1540 гг., когда процент однодворных деревень возрастает, а среднее число дворов на селение снижается[74]. С другой стороны, в данном конкретном случае, возможно, важным фактором является особый статус территории: «...а в обжы не положен». В этой связи, можно напомнить, что единственным пользователем земельных угодий на посаде в этот период выступает «поп Иван Егорьевской», настоятель Георгиевской церкви на городище.

Ни монастырь, ни двор тиуна в писцовой книге 7047 г. не упоминаются, что связано с «узкой направленностью», производившегося описания, охватившего лишь поместные владения. Валовые описания всех категорий земель проводились раз в несколько десятилетий, в частности, в Деревской пятине — в начале 80-х годов XVI в. Свидетельства существования

71 Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-1540-х гг. М., 2004. С. 217.
72 Писцовые книги Новгородской земли … С. 179.
73 Там же. С. 248.
74 Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 37.

монастыря на месте посада в это время можно найти в сохранившемся тексте книги Деревской пятины письма Федора Шишмарева 7091 (1582/83) г. частично опубликованном К.А. Неволиным: «В Демоне ж Пречистыя монастыря, что у Демони на посаде, по книгам 2 деревни, а ныне пусты и лесом поросли, а было тех деревень 3 обжи»[75].

В более поздних источниках Демон как городок уже не упоминается. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г., в числе порубежных *городов* указан «на Явоне на реке *монастырь* Демон»[76]. Основой для «Книги Большому Чертежу» послужили материалы так называемого «Старого чертежа», датируемого периодом царствования Бориса Годунова (1598–1604 гг.)[77], соответственно, эти сведения, относятся, скорее всего, к концу XVI в.

Когда именно Демон утратил свои «городские» функции сказать точно невозможно. Перечисление его в числе городов в Духовной Ивана IV, а также уточняющая топографическая привязка монастыря к территории посада в описании 1582/83 г., позволяют предполагать, что в начале 80-х гг. какая-то жизнь на городище еще теплилась. Упоминание же в «Книге Большому Чертежу» *монастыря Демон* в одном ряду с Русой, Курском на Ловати и Холмом, указывает на то, что и в эпоху Бориса Годунова Демон все еще воспринимался современниками как некий территориальный центр.

По мнению А.А. Фролова «прекращение жизни здесь уместно связывать с упразднением системы кормлений в середине XVI в.» [78]. Однако, на наш взгляд, реформу административного управления нельзя рассматривать как единственную и решающую причину исчезновения городка. Его постепенная деградация началась не в середине XVI в., а значительно раньше, с концом эпохи новгородской независимости, и проходила под воздействием целого комплекса разноуровневых социально-экономических и политических факторов, совокупность которых может быть кратко обозначена как системный кризис.

Характеристика различных сторон этого явления, в приложении к изучаемой территории, может служить предметом отдельного исследования. Остановимся лишь на некоторых общих моментах. С середины XVI в. исследователями отмечается активизация кризисных процессов на территории Деревской пятины, по своим темпам и масштабам опережающих соседние регионы Новгородской земли и достигших пика в середине 80-х гг. К 1583 г., по сравнению с концом XV в., убыль населения здесь составила 92,9%[79]. Находясь в состоянии глубокого экономического упадка, складывавшаяся в течении нескольких столетий поселенческая структура южных районов Новгородской земли была почти полностью разрушена потрясениями двух первых

75 Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1855. С. 274.
76 Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. С. 155.
77 Там же. С. 4.
78 Фролов А.А. Новгородский городок Деман и Деманский погост... С. 90.
79 Дегтярев А.Я. Русская деревня... С. 73.

десятилетий XVII в. В конце 1620-х гг. число сельских поселений на территории пятины уменьшилось примерно в два раза по сравнению с 1595 г.[80] Постепенное восстановление системы поселений, начавшееся в этот период, происходило в иных исторических условиях, выдвигавших на передний план новые территориально-административные центры, такие как Демянский погост, тесно связанный с рядком Селище[81].

К сожалению, формат данной публикации не позволяет более полно охарактеризовать различные аспекты жизни городища на всех этапах развития поселенческой структуры, а также развернуть в полном объёме аргументацию изложенных выше тезисов. Безусловно, предлагаемые выводы не могут претендовать на полное решение сформулированных задач и требуют более глубокого анализа имеющегося материала, а так же продолжения полевых исследований.

80 Дегтярев А.Я. Русская деревня... С. 74.
81 Неволин К.А. О пятинах и погостах... С. 369, 376.